

Федор Абрамов Трава-мурава abramovfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!

Федор Абрамов

Трава-мурава

РОДНОЕ ПЕПЕЛИЩЕ

– Куда это, Еремеевна, с чайником?

– На дачу. Не слышал разве, у меня дача завелась?

Дача, дача... Это суседи так зовут, а я-то: татино пепелище. Три года назад Митрий переехал в середку деревни – надоело жить-то на отшибе. У нас, в верхнем конце, сам знаешь, и вода далеко – каждое ведро надоть в гору, и комары летом – заживо съедят, а зимой опять дороги к нам нету, болотом ездим. Там теперь главный-то тракт у нас, где молотилки, да пилорама, да мастерские.

Сама, сама парню-то посоветовала переехать. Буде, говорю, я помучилась, а ты давай в середку гнезда людского. Переехали. Дом Митрий построил – не знаю, есть ли лучше-то во всей деревне. Варанда, наверху избушечка, три комнаты, мне комната отведена. «Мама, говорит, ты всю жизнь в старье жила, покрасуйся хоть на старости, хоть под конец жизни свет увидь». А я знашь как в хоромах-то новых стала жить? Заболела. Какая-то болезнь пристала – сохну, аппетиту нету, и все на лежку, все на лежку тянет.

Митрий – не последний человек в деревне – дохтуров из района вызвал. Те наехали со всякими лекарствами. «Что, бабка? Чем болешь?» Надавали всяких порошков. Нет, не лучше. С фунт але боле за зиму выпила. Ну весны дождалась, вези, говорю, парень, матерь на старо пепелище. Хочу, говорю, перед тем, как глаза закрыть, на свое подворье поглядеть.

Ну приехали. Посидела я на бревнышке – изба раскатана, дом раскатан, потом попила водички из своего колодца. Мне и лучше. Я назавтра сама встала да и пошла. Вот с тех пор и хожу чуть ли не каждый день. У людей как бы робить да как бы что сделать, а я с утра чай пить на свое подворье. Митрий от дождя и сараюшку поставил. «Делай, мати, как тебе надобно, хоть каждый день ходи на свое подворье чай пить, только не помирай».

1981

ВЗАПЯТКИ ПОСМОТРЮ

Глинковская старуха превыше всего любила лес. Люди, бывало, в церковь, а она в лес.

Под старость обезножела. Но каждый раз, когда домашние или соседи шли в лес, выходила на крыльцо проводить их. Даже сама будила их, торопила, посылала в лес пораньше, пока роса не обсохла. И при этом каждый раз приговаривала:

– Идите, идите, а я вам взапятки посмотрю.

БОБЕР-ХОЗЯИН

Идем по лесу со старым охотником. Впереди – просвет.

– Сейчас потише. Речка будет, а на речке плотина бобровая. Может, и самого бобра еще увидим. Нет, не увидим. Тихо этот бобер живет. Хозяин. Все у него в аккурат.

Да, вот как жизнь устроена. Мы думаем, только середь людей – хозяин, не хозяин. Нет, парень, и звери на разный манер.

Вот за тем мысом бобер живет. Дурак дураком. Корму – ивняка, березы было на десять – одиннадцать лет. Живи припеваючи. А он что сделал? Плотину сразу поднял на два метра – сколько поел не поел затопленного кустарника – тот обсох за год. А раз обсох – все: ищи другое место да строй новую нору.

А умный-то бобер, хозяин-то который, он до десятка лет, а то и больше одной плотинкой пользуется. Как пользуется-то? А по-хозяйски объедает. Сперва маленькую плотнику поставит, чтобы вода залила берег – чуть-чуть, чтобы ровно на год еды (кустарника) хватило. Обьел осинку, березу, ивняк затопленный, снова приподымал плотину, и так раз десять. Так делает-то хозяин-бобер.

То же и лось. Иной пройдет мелкий сосняк как хозяин, обьест столько, сколько надо. А другой весь поломает. Шлепает, пасть не закрывши, – на все ему наплевать.

ЗА СЛОВАМИ К БАБУШКЕ

– Теперека всё к фершалице. По случаю и без случая. Чирей вскочил – к Маньке, брюхо заболело – к Маньке... А у нас, бывало, отец даже похмелялся словами. Утром проснется, голову не поднять.

– Девки, сходите за словами к Митрофановне.

Мы возьмем ведерко але ковшик – побежали.

– Бабушка, выручай тятю, голова разламывается с похмелья.

Бабушка зачерпнула водички из ушата, чего-то пошептала: идите с богом.

Тятя выпьет весь ковшик до капельки, только крякнет:

– Ну вот теперь и я человек.

1981

ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО

Антон Егорович, великий труженик, из тех, на ком держался колхоз, заболел. Местный фельдшер и вызванный из райбольницы врач навывисывали старику кучу всяких лекарств. Да еще дочери из города прислали.

– Дедушко, – спросил маленький внучек, с которым обычно Антон Егорович коротал дома дни, – а какое лекарство всех лучше?

– Нету его здесь.

– А где оно?

– В сарае.

– В сарае? Дак давай я сбегаяю.

– Не принести тебе, родимый. То лекарство работой называется, и взять его могу только я.

– Ну дак давай обопрись на меня да пойдем в сарай.

Старик попервости в шутку (надоело маяться целыми днями в душной избе) оперся на жиденькое плечико внука, потом кое-как не без его же помощи дополз до сарая, пристроился к начатым незадолго до болезни саням (он всю жизнь делал для колхоза сани), кое-как взял в руки топор и начал постукивать.

И вот, что вы думаете, полегчало старику: вечером в тот день он впервые за две недели поел, а еще через неделю и совсем поправился.

1981

КОГДА С БОГОМ НА «ТЫ»

Поля Манухина привела к своей бабушке жениха, учителя средней школы, знакомиться.

Бабушка приняла жениха любимой внучки с открытой душой, по всем правилам северного гостеприимства. Все, что в доме есть, даже бутылочку, на стол выставила. Одно не понравилось Поле: бабушка с первых же слов стала называть жениха на «ты». Поля терпела-терпела да и решилась наконец:

– Бабушка, Виктор Викторович, – она нарочно назвала жениха по имени и отчеству, чтобы посылнее пронять бабушку, – из города, а в городе не принято людей с первого раза называть на «ты».

– Ничего, – ответила бабушка, – стерпит. Я с малых лет с самим господом богом разговариваю на «ты», дак уж с человеком-то, думаю, можно.

ТЯСОГУЗКА

Не сложились у Ивана Васильевича отношения с племянником. И это до слез было обидно. Своих детей у Ивана Васильевича нет, племянник Геннадий – самая близкая родня, а вот нет душевной близости, и все тут. По этой причине Иван Васильевич и в деревню-то стал ездить не каждый год.

А было, было время, когда маленький Генка ни на шаг не отступал от дяди.

Утром дядя просыпается, невестка, мать Генки, ушла на колхозную работу, а он, мальчишечка, в избе жарко, терпеливо сидит и ждет, когда проснется дядя.

И весь день до позднего вечера, как хвостик, неотлучно таскается за ним.

И так было до тех пор, пока Ив. Вас. однажды не расстрелял трясогузку.

Трясогузочка резвилась, перебирая своими палочками, возле крыльца, на песочке вышивала свои узоры. И вот Ив. Васильевич, недолго думая, схватил в коридоре ружьишко и выстрелил.

Генка посерел, а потом вдруг закрыл ручонками глазки и с плачем, с рыданием побежал на задворки.

Неужели вот эта трясогузочка встала между Ив. Вас. и племянником?

С тех пор, что ни делал Иван Васильевич, чтобы вернуть былую любовь племянника, но все напрасно...

АВАГОР И ШАВАГОР

– Мелкий пошел народишко. Морошка. Война подкосила людей-то. Голод-то этот затажной. После войны ребят в армию надо брать – слезы: не вытягивают ростом. Специально на откормку ставили.

А какие раньше-то богатыри на Пинеге жили! Слыхал про Авагора-то да Шавагора?

Два брата были. Один на Авой горе жил – километра два повыше Верколы. Там и доселе борозды от полей видать. А другой – у Шавой – ниже деревни два километра.

И вот Авагор все к брату на лодке ездил в бане мыться. Раз шестом толкнется – лодка на сто метров вперед летит. А то опять хватится который – топора под рукой нету: «Брат, кинь-ко мне топорик!»

И кидали. С горы на гору кидали. За четыре версты.

Вот какие на нашей земле люди-то в старину жили!

ГИПЕРБОЛА

(Рассказ старого учителя)

Гимназия в провинциальном городке. Бюджет: половина от казны, половина –

благотворителей.

Одним из первых благотворителей был полуграмотный купец, первый богатей города. Он любил наведываться в гимназию и с особенным удовольствием присутствовал на экзаменах.

Старому учителю, тогдашнему ученику гимназии, из бедной, в прошлом чуть ли не крепостной семьи, учившемуся на казенном коште, выпал на экзамене билет:

«Животные Африки».

Учитель заплетающимся языком перечисляет животных и в их числе называет гиппопотама (тогда бегемотом не называли).

– Этот гиппопотам живет в воде и съедает зараз воз сена.

– Ну это ты, голубчик, загнул, – говорит купец.

Учитель гимназии ему шепчет на ухо:

– Так это же, ваше сиятельство, гипербола.

– Читал, читал. Гиперболу-то я знаю. Та и три воза съест.

ОФИМЬИН ХЛЕБЕЦ

– Справедливости на земле нету. Бог одной буханкой всех людей накормил – сколько молитв, сколько поклонов. Я еще маленькой была, отец Христофор с амвона пел: и возблагодариша господа нашего, единым хлебом накормиша нас... А про меня чего не поют? Я не раз, не два свою деревню выручала. Всю войну кормила. Мохом.

Раз стала высаживать из коробки капустную рассаду на мох. Смотрю: ох какой хорошенькой мошок! Чистенькой, беленькой. А дай-ко я его высушу да смелю.

Высушила, смолола. Ну мука! Крупчатка! В квашню засыпала, развела, назавтра замесила (мучки живой, ячменной горсть была), по сковородкам разлила – эх, красота!

Ладно. В обед, на пожне, достаю, ем – села на самое видное место. Женки глаза выпучили – глазами мои хлебы едят. «Офима, что это?» – «А это, говорю, мука пшенична моей выработки». Дала попробовать – эх, хорошо! «Где взяла? Где достала?» – «На болоте». Назавтре все моховиков напекли – ну не те. Скус не тот. Опять: сказывай, где мох брала. Я отвела место на болоте – всю войну не знали горя. Уродило не уродило – мы сыты.

Думаешь, мне благодарность была? Спасибо сказали? Тепере-ка клянут. У всех желудки больны. От Офимьиного хлеба, говорят. От моха.

РОДНОЕ ГНЕЗДО

Степан Григорьевич последним перебрался из С. в большое село – не стало больше сил жить на хуторе: ведь зимой только и ходу из С., что на лыжах.

Сыновья, не последние люди в районе, поставили отцу дом в самом центре села. Удобно. Все под рукой, все рядом: магазин, почта, сельсовет, медпункт. И первые две недели старик нахвалиться не мог новым житьем. А потом стали замечать: у Степана Григорьевича одна дорога каждый день – в верхний конец села.

Выйдет на крутой угор, встанет возле старой лиственницы и часами со слезой на глазах смотрит за реку, на зеленый запустевший бережок, где еще недавно стоял его родной дом, дымилась старая, еще отцом битая печь.

ЗАРОК БЛОКАДНИЦЫ

Заговорили о неустроенности, о бедах сегодняшнего бытия, о всевозможных недостатках, о болезнях, которые косят людей, – что за жизнь? Что за век?

Кое-кто вздохнул, кое-кто охнул, а кое-кто даже слезу пустил. И только одна старая Наталья Александровна невозмутимо улыбалась.

– После войны я ни разу не плакала. Грех великий плакать, кто пережил блокаду да войну.

АННА СТЕПАНОВНА И АНЮША

– Где побывала, Анна Степановна? Не у подруженьки своей?

– У нее, у Анюши, – отвечает бойко Анна Степановна.

При этом что удивительно: Анне Степановне всего четырнадцать лет, а ее подруженьке давно уже перевалило за шестьдесят.

Но это решительно никого в деревне не смущает – ни старых, ни малых. Так уж сумела поставить себя эта девчонка смала: у ровни она всегда была заводилой, а взрослых опять купила своим умом да смекалкой. Обо всем у нее свое суждение, о каждом человеке свое мнение.

Вот и отличили ее земляки, вот и величают с малых лет по имени и отчеству.

РАДИ ПАМЯТИ О СЕБЕ

75 лет. Старик. И, что называется, круглый инвалид войны, левой руки нет по локоть, на правой два пальца – большой и указательный. Вдобавок к этому еще почти совершенно слепой и абсолютно глухой.

Но что за человечество этот старик!

Вырастил восемь детей, построил дом каменный, – кажется, и этого немало. Нет, на старости лет принялся за пруд. И вот уже пять лет с весны до поздней осени делает пруд. Вручную. Лопата, цинковое корыто с лямкой – и больше ничего. Нет,

еще упорство.

Каждый день с раннего утра, в любую погоду на стройке пруда.

Откуда же черпает силы этот старик?

Во-первых, силы он копит и собирает зимой. (Это как копят и собирают воду в колодцах в Великий пост.)

А во-вторых – это главное – силу старику дает мечта. А мечта у него такая – вырыть пруд, оставить по себе память.

СЛОВО ПОМОГЛО

У Павлы Северьяновны утренний аврал: полдевятого, через полчаса за прилавок в белом халате вставать (в ларьке торгует), а у нее вся кухня дыбом, и сама еще не одета.

– С отцом сегодня долго проканителелась, – оправдывается она. – Вчера, вишь, зарплату давали, часы на улице потерял – искала, да самого по частям складывала, по всей деревне опохмелку разыскивала – тоже время надо.

– А дочери?

– А дочери еще спят. Не смею будить-то. Не свои, живо люди оговорят. – Северьяновна вышла за вдовца, у которого, кроме старшего сына, живущего отдельно, своим домом, были еще две дочери, две крупнотелые девицы-школьницы.

Я рассвирепел. Я в такую работу взял ее (осточертела эта нынешняя возня с деточками!), что забыл даже про стамеску, за которой приходил. Вспомнил, когда уже из заулка выбегал.

Дней через десять встречаю Северьяновну на улице – цветет.

– Ты заговорил у меня девок-то, что ли? Ведь они как толковы стали. Я нахвалиться не могу.

– Вот и ладно.

– Да уж чего лучше. Ты выбежал тогда от нас, дверями хлопнул, они заглядывают с другой половины: «Чего это, мама, писатель-то психует?» Так и сказали, – что будешь врать. Меня, говорю, ругал. За то ругал, что с вами распустилась. И вот – чудо. На обед прихожу, у меня все дома прибрано, намыто, чайник горячий на столе меня дожидается. А на завтра-то утром встала – они обе у меня на ногах: «Мама, что нам делать?» Подменил, подменил ты у меня девок.

А НЕ УСТРОИТЬ ЛИ ЛЕТО?

Зима-то у нас длинная, полгода, а иной раз и больше. Надоест. И вот мама, бывало: а что-то я, отец, по лету заскучала. Не устроить ли нам лето в дому?

Устраивали. Отец нанесет из лесу еловой хвои, березы, вербы, на печь положит, так и потянет оттуда летним лесом. А мама опять самовар на шишках согреет да ягод – в трубу-то – синих с вереса бросит, дак уж воздух-то в избе – не надышишься.

ЛЕНЬКА БУДЕТ МЕХАНИКОМ

У писателя С. младшему сыну четыре года. И вот этакий-то карапуз однажды вкатывается в кабинет к отцу с разобранным замком от входных дверей.

– Леня, что ты наделал? Положи сейчас же на диван, а то потеряешь детали и шурупы – двери не закрыты.

С. был занят срочной работой, взяться за замок сразу самому было некогда, а когда освободился – замка на диване не было.

– Леня, Леня, где замок?

Леня входит к отцу и радостно улыбается.

– Замок, говорю, где?

– В дверях.

– Как в дверях?

С. выбежал в переднюю и глазам своим не верит: замок действительно в дверях. Все на месте, все шурупы, все винтики ввинчены, и сделал это четырехлетний ребенок!

С тех пор С. всем говорит:

– Леняка будет механиком!

НА ТЕМУ ВОСПИТАНИЯ

Виктор Васильцов три года воспитывал племянника-сироту, и что же? К семнадцати годам племянник стал законченным прохвостом.

– Валька, – раз Виктор спросил племянника, – скажи, бога ради, где ты набрался всякой мерзости и пакости?

– У тебя, дядя Витя, – глазом не моргнув, ответил Валька.

– Как у меня? Да разве я когда плохому тебя учил?

– А ты подумай, подумай.

Виктор подумал и заколебался: а может, и в самом деле от него? Ведь он, чтобы правильно, на конкретных примерах воспитывать парнишку, литературку всякую подчитывал – и свою, и зарубежную. Авторитетов на помощь призывал.

Только вот вопрос: почему же он, сукин сын, отбросил все хорошее, положительное, а все плохое, отрицательное – взял на вооружение?

ШАМА

Едва выговорив «маму», девочка заявила «шама», то есть сама. И так во всем, что бы ни касалось ее, с чем бы она ни сталкивалась. Необыкновенно повышенное чувство самоутверждения!

Однажды девочку – ей шел третий годик – и ее мать пригласили в гости родственники, люди состоятельные, бездетные.

Девочка оползала всю квартиру родственников, даже под кроватью побывала, и наверняка убедилась, что их собственная однокомнатная квартирка куда скромнее и беднее, но стремление к самоутверждению сказалось и тут. Подумав, она сказала:

– Зато у вас девочек нету. – И была страшно рада, что нашлась, что взяла верх над изумленными родственниками.

КАК НИНА ВЫЛЕЧИЛА СЫНА ОТ ЖЕСТОКОСТИ

Алешка рос жестоким смала. Отрывал крылышки у бабочек, подбивал камнями голубей, давил гусениц. Нина увещевала, совестила – бесполезно. И так было до тех пор, пока однажды Алешка не раздавил большого муравья.

– Что ты наделал?

– А что?

– Да ведь ты муравья погубил.

– Ну и что. Разве их мало?

– Дело не в количестве. А вот твою маму бы раздавили, как бы ты к этому отнесся?

– Так ведь то мама.

– А у муравья-то тоже есть дети. И представляешь, как они сейчас плачут, какое у них горе?

– Муравьи плачут?

– А как? Убили папу, их кормильца. И может, они сейчас где-то умирают от голоду.

– Муравьи от голоду?

– Неужели это неясно? Отец-муравей пошел за хлебом, за букашками, чтобы накормить деток, а ты его раздавил. Понимаешь, что будет теперь с ними? Они погибнут от голода.

– А мама?

– А мамы, может, у них нет. Мама, может, умерла еще раньше.

Алешку это потрясло (заревел).

– А как же теперь быть? Где их разыскать?

– Как же ты их разыщешь? Они не люди. Вот потому-то и надо хорошо относиться ко всяким букашкам, зверькам. Все они такие же живые существа, как ты. И всем им больно. И все они хотят есть. И у всех у них есть папы и мамы. А когда умирает папа или убивают его, умирают и они.

– А другие муравьи им не помогут?

– У них свои дети.

После молчания:

– Мама, что я наделал?

С тех пор Алешка – защитник и друг всего живого.

ЕСЛИ ПОЖАЛЕТЬ ПТИЦУ

У Ирины очень жаркая комната и окно всегда полураскрыто, даже зимой. И вот однажды утром, уходя на работу, она стала закрывать окно и вдруг увидела на подоконнике голубя – голубку, как оказалось впоследствии. Голубка была покалечена, у нее была вывихнута лапка.

Недолго раздумывая, Ирина схватила голубку и втянула в комнату, а затем поместила в корзину. Птица прожила у нее две недели. Лапка за это время поправилась, и однажды она улетела.

С тех пор прошло семь лет. Голубка состарилась, стала толстенькой, кургузой. Но каждый день благодарная птица прилетает к Ирине, садится на подоконник и часами смотрит в окно.

ДАЛА СЛОВО

Приехала Пулму, наша финская приятельница, большая театралка.

Ну и везет же тебе, Пулму! Сегодня «История лошади» в БДТ.

– Сегодня не могу.

– Почему?

– Сегодня вечером я обещала быть у одной знакомой старушки.

– Ерунда! Подумаешь, знакомая старушка. К знакомой старушке можно и завтра сходить, а спектакль завтра для тебя специально ставить не будут.

Пулму решительно покачала головой:

– Нет, я дала слово и не могу нарушить. Мы, финны, маленький народ, и по каждому из нас судят о всей Финляндии, о всем народе. Поэтому каждый из нас обязан вести себя достойно.

МАТЬ ХУДОЖНИКА

Федор Абрамов Трава-мурава abramovfyodor.ru

Все устроены. Дети. Один – самый любимый – не пристроен. Зарплаты нет, места нет, квартиры нет.

И где ей понять, что этот-то сын и есть самый счастливый.

СЕКРЕТ ВРАЧЕВАНИЯ

В Болгарии живет старик – лекарь. Лечит чуть ли не по глазам. Посмотрит в глаза, определит болезнь и дает совет.

Спрашивают старика, как он научился лекарскому искусству. Отвечает:

– Было мне сорок лет, болел чуть ли не всеми болезнями, врачи не помогали. Стал сам все изучать, книги читал, народную, восточную медицину.

– Ну и в чем секрет врачевания?

– А все очень просто. Можете записать на одном ноготке.

1. Будьте чистыми в мыслях, желаниях.

2. Будьте чистыми в поступках.

3. Будьте чистыми в пище.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!